

**ГУМАНИТАРНЫЕ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

№ 8

2006

Севрук Н.М. Виды взаимосвязей в текстовых парадигмах фразеологических единиц.....	211
Афанасьева И.И. Влияние глобализационных процессов на функционирование отраслей агропромышленного комплекса.....	216
Воронцова Е.В., Павлов В.А. О необходимости совершенствования государственного регулирования цен как основы обеспечения стабильного развития экономики.....	218
Евлахов М.В. Оценка эффективности деятельности компании (на примере ОАО «Российские железные дороги»).....	222
Евстратов В.И. Принципы реформирования государственных предприятий отраслей естественных монополий.....	224
Провоторина В.В. Проблемы обеспечения защиты от специфических рисков потребителей туристских услуг.....	226
Романова Н.А. Показатели качества перевозок пассажиров (на примере г. Магадана).....	232
Теунаев Д.М. Проблемы оптимизации функций управления в нефтепродуктовых комплексах.....	237

анализ полипредикативных конструкций позволил сделать вывод о том, что в поэзии и в прозе «эксплуатируются» в основном СПП с однородным соподчинением с повторяющимися подчинительными союзами или союзными словами без сочинительной скрепы. Именно они наиболее строги по форме, но способны передавать максимум информации и экспрессии и служат для создания стилистической фигуры – периода: «*Страшуся поглядеть назад, – Чтоб бытия земного звуки не замесались в песнь мою; Чтоб лучшей жизни на краю не вспомнил я людей и муки; Чтоб я не вспомнил этот свет, где носит все печать прожития*» (Лермонтов).

А подчинительные структуры с сочинительной связью между ними способствуют усилению эффекта структурного параллелизма и идеально приспособлены к передаче стихотворного ритма: «*Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя, II, погасив свечу, опять отпращусь я В необразимый мир туманный превращений. Когда миллионы новых поколений Наполнят этот мир сверканьем чудес II совершат стремление природы. Пускай мой белый прах покроют эти воины*» (Заболоцкий).

Проведенное исследование лишний раз доказывает то, что функционирование единицы сложноподчиненного предложения с однородным соподчинением придаточных частей связано со всеми уровнями языка. Они могут легко взаимодействовать друг с другом, накладывая определенные ограничения на синтаксический строй конструкции, формируя свои разрешения и запреты на употребление или отсутствие сочинительной или второй подчинительной скрепы. И все это связано, в первую очередь, с тенденцией в языке к экономии его средств, если это допускается семантикой и структурой сложноподчиненного предложения.

Литература

1. Гаврилова Г.Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке. Ростов-на-Дону, 1979.
2. Казмин В.В. Подчинительные союзы и союзные слова в разных типах усложненного сложного предложения с однородными придаточными // Вопросы изучения русского языка. Краснодар, 1968.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Сов. Энциклопедия. М., 1990.
4. Рекозубова Г.М. Синонимия подчинительных союзов и союзных слов: Автореф. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1999.

Ростовский государственный педагогический университет

13 ноября 2006 г.

© 2006 г. И.М. Севрук

ВИДЫ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В ТЕКСТОВЫХ ПАРАДИГМАХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Статья посвящена характеристике взаимосвязей в текстовых парадигмах фразеологических единиц (ФЕ). При этом учитываются отношения между языковой и общенаучной парадигмами – соответственно парадигмой 1 и парадигмой 2. Научоведы отмечают, что развитие парадигмы соотносится с теми закономерностями, которые явлены языковой системой форм. Значимо и другое направление взаимосвязей – от парадигмы 2 как системы методологических установок к парадигме 1 в языке, тем более что ему благоприятствует специфика фразеологической полисистемы [1]. Материалом служит текст стихотворной пьесы Леонида Филатова «Дилижанс». Его выбор объясняется тремя функциональными аспектами: оригинальностью, многообразием и упорядоченностью функционирования ФЕ. С названными тремя признаками соотносимо и языковое мастерство Л. Филатова, удостоенного престижных литературных наград, в том числе за эту драму. При характеристике используются основные лексикографические источники: Большой толковый словарь русского языка [4]; Фразеологический словарь русского языка [5]; Новейший словарь иностранных слов и выражений [6]; Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения [7]. Текстовую парадигму ФЕ представляют системные отношения, связывающие употребление единиц с определенным речевым планом, с качественными и количественными характеристиками. В пьесе «Дилижанс» показательны три парадигмы, взаимосвязи которых подчеркивают текстовую основу функционирования. Каждая текстовая парадигма ФЕ распознается и интегрируется по системе признаков, включающих «внешний маркер» – единицу, являющуюся носителем парадигмообразующих свойств. Первая парадигма определяется макросемантикой чувственного восприятия, вторая – метаязыка, третья – душевно-рациональных корреляций.

Фразеологическая специфика раскрытия определенной сферы определяется особой семантической емкостью. Текстовая специфика – избирательностью представления общезыковой парадигмы

соответствующих ФЕ и взаимодействием фразеологизмов с окружением на основе проявления текстовых категорий, тенденций, закономерностей. Для парадигмы существенна система признаков: соотносительность целостного значения ФЕ с «дофразеологической» семантикой компонентов; способ представления «маркера» (эксплицитный либо имплицитный); выбор той или иной формы ФЕ; наличие и характер преобразований ФЕ, включая его связь с прагматическим аспектом: «распределенность по языковым личностям». Соответственно, учитываются следующие парадигматические отношения: гипо-гиперонимическое, ассоциативно-derivационное, полисемия, вариантность, антонимия, омонимия, синонимия. Обратимся к первой парадигме, в которой ФЕ соотносены со сферой восприятия: в основном, зрительного; в единственном случае – слухового. ФЕ, входящие в парадигму, маркированы преимущественно компонентами *глаз* и *вид*. Первый компонент примечателен тем, что целостное фразеологическое вбирающих его оборотов отчетливо, «прозрачно» соотносится с прямым лексическим значением органа зрения. Это проявляется и в коррелятивных семах при толковании ФЕ и лексемы. Ср.: «Глаз». 1) Парный орган зрения человека и животного... 2) Способность видеть, зрение» [4, с. 207]. Например: Г-н Ламадон (он так и *ест* Пышку *глазами*) / А барышня весьма благообразна!.. («Смотреть на кого-л. пристально, с напряженным вниманием, не отрывая глаз» [4, с. 297]. Из системных отношений в этой парадигме показательны два: вариантность и ассоциативность. Нижеследующий фрагмент из авторской прозаической ремарки репрезентативен выбором ФЕ с вариантом компонента *попасться*, тогда, как есть более емкий формально вариант *попасть*. См.: Корнюде (*примиряюще*) / Ах, господа, чем длить пустые споры, – / Поможем лучше госпоже Руссе!.. Это предложение приходится мужчинам по душе – каждый давно уже прикидывал, как бы ему *попасться на глаза* Пышке, не вызвав при этом недовольства собственной супруги, – поэтому толпа кавалеров тут же кидается на помощь барышне, которая укладывает свои вещи в дилижанс... («На глаза попасть (попасться) – случайно привлечь чье-л. внимание, оказаться непосредственно перед чьими-то глазами» [5, с. 101]. Выбор формы с возвратным постфиксом можно объяснить акцентированием некоторой активности, свойственной этой единице по сравнению с невозвратной формой. В ситуации, когда всех персонажей-мужчин объединяет и гендер прагматически оказывается важнее социального статуса, оттенок активности в компоненте становится значим для формирования текстовой парадигмы ФЕ.

Отметим специфическую ассоциативность. Сила парадигматических связей такова, что маркер и соответствующая сфера зрительного восприятия определяются и без вербализации, имплицитно: Г-н Ламадон (*горько*) / Да, прежде были титулы, а ныне / Лишь беженцы одки – куда ни кинь!.. («Куда ни кинь глазом. Везде, повсюду» [4, с. 207]. Участие в парадигме не ограничивается прозрачной, отчетливой соотносительностью фразеологического значения и лексической семантики компонента. В следующем контексте использована ФЕ, в которой эта связь имеет более отдаленный характер, чем акцентируются системные возможности парадигмы, ее семантические границы и текстовые рамки. См.: Мадам Луазо / Да кто ж захочет с такою жердью / В постели провести хоть пять минут?! / Коль с пьяных *глаз* и примут эту жертву, / То утром с отвращением вернут!.. («в нетрезвом состоянии» [4, с. 1052]. Со значением зрительного восприятия соотносится ФЕ *взять на прицел*. Отсутствием маркера *глаз* подчеркивается *ассоциативная связь*, принципиальная для парадигмы (см. толкование). Например: Комendant / Он вас вчера приметил... / Пышка (*в сторону*) / О, проклятье!.. / Г-н Луазо (*хихикает*) / И *взял*, как говорится, *на прицел*!.. («в зн. вводн. словосоч. Как говорят, как принято говорить» [4, с. 213]; «Обратить особое внимание на кого-, что-л., взять под наблюдение» [4, с. 995].

Второму маркеру, компоненту *вид*, сопутствует более отдаленная соотносительность с целостным значением ФЕ. Здесь представлены единицы, более /а/ и менее /б/ ассоциируемые со зрительным восприятием, а также единицы с дальней периферии соответствующего поля, ассоциация которых со сферой зрительного восприятия почти незаметна /в/: /а/ Корнюде / Пред вами я предстал *не в лучшем виде*... («Наилучшим образом» [4, с. 508]; /б/ Подавленный Корнюде подвигается на сиденье, освобождая место рядом с собой, но Пышка *ослепает вид*, что не замечает этого, и садится на другое свободное место. («Притворяться» [4, с. 128]; /в/ Корнюде (*твердо*) / Согражданам отказывать непросто, / Но все-таки – прошу *иметь в виду* – / Ходатаем по этому вопросу / Я к Пышке не ходил и не пойду! («Иметь в виду кого-что. 1) Подразумевать кого-, что-л. 2) Принимать во внимание, учитывать. 3) Иметь намерение» [4, с. 129]. В последнем случае примечательна семантическая избирательность: ФЕ использовано во втором из трех значений, особенно близком именно к сфере восприятия внешнего мира. Показателен и единственный фразеологизм, принадлежащий сфере слухового, а не зрительного восприятия. См.: Внезапно в разговор вмешивается Пышка, до этой поры не произнесшая *ни звука*. («О полном молчании, глубокой тишине» [4, с. 360]. Эта ФЕ демонстрирует ту спорадическую синестетичность и дигитальность языковой картины мира пьесы, которыми еще более акцентируется доминанта визуальности.

Перейдем ко второй текстовой парадигме ФЕ, принадлежащей сфере метаязыка. Все ФЕ парадигмы, так или иначе, соотносены с характеристикой манеры речи, в традиционном понимании – «язык о языке». Налицо соответствующие компоненты-маркеры: говорить(ся)/сказать, слово, называть(ся). См.: Комендант / Он вас вчера приметил... / Пышка (в сторону) О, проклятье!.. / Г-н Луазо (хихикает) И взял как говорится, на прищел!.. («в зн. вводн. словосоч. Как говорят, как принято говорить» [4, с. 213]; Г-н Луазо (нервно) / Нам надо рвать немедленно отсюда / Во весь, что называется, опор!.. («в зн. вводн. словосоч. Как принято называть, говорить» [4, с. 581]; Граф (разводит руками) / Нет слов от возмущенья!.. («Нет слов, как. Невозможно выразить словами, как» [4, с. 1211]). Из парадигматических отношений здесь требует внимания вариантность, охватывающая связь между лексической и грамматической подсистемами. См.: Корнюде / Луазо... Ребята, мягко скажем, без затей. В тексте выбран вариант ФЕ с компонентом – формой глагола 1-го лица множественного числа и семантикой совместности. Между тем фразеологически основным считается вариант с деепричастием – см.: «ГОВОРЯ, деепр. В составе вводных слов, в сочет. с нареч. или косвенным падежом сущ. образует устойчивые сочет. со знач.: выражаясь, излагая что-л. каким-л. образом (в соответствии с о знач. нареч. или сущ.). ...*мягко говоря*» [7, с. 147]. См. также толкование в другом источнике: «Говоря (в составе вводн. словосоч.). Выражая, излагая, рассматривая что-л. каким-л. образом (так, как обозначено наречием или существительным)» [4, с. 213] Выбор же варианта с компонентом СКАЖЕМ мотивирован и прагматическим условием: свойственная ему, в отличие от деепричастия, семантика совместного действия усиливает контактоустанавливающее назначение – служит принципу кооперации. Для сферы метаязыка такое назначение и способ его представления особенно оригинальны. Ассоциативная связь определяет участие в этой парадигме и других ФЕ, характеризующих метаязык: *само собой, в самом деле*. В них метаязыковая функция может акцентировать определенную самоочевидность, ясность того, что передает текст в исходной форме. См.: Пышка / В семье, само собой, не без урода. / Но в целом наш народ не так уж плох!.. («Само собой (разумеется), в зн. вводн. словосоч. и частицы. Ясно, безусловно, конечно» [4, с. 1142]; Мадам Луазо (испуганно) / Да спятили вы, что ли, в самом деле?!.. / (г-ну Луазо) / Уж ты-то точно не в своем уме!.. («1. в зн. нареч. В действительности; действительно, точно. 2. в зн. вводн. словосоч. Действительно, правда; в конце концов» [4, с. 1147]). Функционирование этой ФЕ показывает значимость для парадигмы еще одного отношения – полисемии; в текстовой реализации совмещаются два лексико-семантических варианта, первый и второй.

Примечательна еще одна ФЕ, достаточно обособленная, но принадлежащая данной текстовой парадигме: Графиня (сморщив носик) / Анфан террибль!.. Ребенок моветона!.. («Человек, шокирующий окружающих бестактным поведением или творчеством» [6, с. 69]). Характеристика, которую таким образом дает графиня другому персонажу, Корнюде, служит и самохарактеристикой графини. (Как в библейском эпизоде с Павлом и Савлом). Выбор иноязычного, макаронического оборота, демонстрирует установку на повышенный статус, на аристократизм. Ни в чьей более речи нельзя представить подобную ФЕ. И уже своей иноязычной формой она прагматически функциональна и парадигматически закономерна. Обратимся к третьей текстовой парадигме ФЕ, связанной с душевно-рациональной корреляцией. Сферу души представляет лишь одна ФЕ, и эта единичность показательна для произведения. Семантическая емкость ФЕ не соответствует эстетико-прагматическому представлению сферы души в данном произведении (между тем в языковой, до-текстовой парадигме таких ФЕ свыше 100). Да и эта ФЕ носит прагматически приземленный характер, далека от возвышенной духовности: Корнюде (примирияюще) / Ах, господи, чем длить пустые споры, – / Поможем лучше госпоже Руссе!.. Это предложение приходится мужчинам по душе – каждый давно уже прикидывал, как бы ему попасться на глаза Пышке, не вызвав при этом недовольства собственной супруги. – поэтому толпа кавалеров тут же кидается на помощь барышне, которая укладывает свои вещи в дилижанс... («Нравится» [4, с. 290]). Существенно, однако, что эта ФЕ соотносится с вышеохарактеризованным оборотом *попасться на глаза*, который употреблен в том же высказывании. Парадигматическая определенность и межпарадигматические связи поддерживают прагматическое превосходство гендера над социальным статусом. Но еще важнее, что в этих парадигматических связях оригинально проявляется семантическая специфика компонента *душа* – его связь со зрительным восприятием. По результатам исследований А. Вежбицкой и ее последователь, семантический анализ слова *душа* [2] открыл дорогу в семантику для метафизических сущностей: душа существует, хотя и не в стандартном трехмерном пространстве. Именно в парадигматических связях слово *душа* определяется в той же обобщающей категории, что, например *сердце, глаза*: все это органы – части тела человека (или человека и других живых существ), предназначенные для выполнения определенных функций.

Гармонирует с указанной приземленностью «сферы души» и другая сторона душевно-рациональной корреляции – сфера ума. В рассматриваемом тексте емкая фразеологическая семан-

тика привлекается в эту сферу в случае эстетико-прагматической задачи снижения и экспрессивации. И парадигму образуют соответствующие единицы, негативно характеризующие кого-либо: Мадам Луазо (*испуганно*) / Да спятили вы, что ли, в самом деле?! / (*к-ну Луазо*) Уж ты-то точно не в своем уме!.. («О ненормальном, помешанном человеке» [4, с. 1385]; Графиня / Ведь вы и так башки его лишили, / Коль он от страсти к вам *сошел с ума!*.. («Сойти (спятить, свихнуться и т.п.) с ума. 1) Потерять рассудок, стать помешанным, ненормальным. 2) О ком-л. поступающем необдуманно, говорящем ислепости» [4, с. 1385]). Причем и здесь негатив оборачивается разоблачительной самохарактеристикой: приписывая другим безумие, необдуманность, говорящие: Графиня, мадам Луазо – выдают в себе нервозность, снижают свой социокультурный статус, что особенно показательно при претензиях на высокий статус, светскость и при отсутствии сколько-либо значимых, возвышенных речевых проявлений. Текстовым парадигматическим контрастом становится смягченное/а/ или аргументационное /б-в/ использование ФЕ этой сферы соответственно журналистом Корнюде, вторым «Я» автора, и нравственной, самоотверженной Пышкой: /а/ Корнюде (*виновато*) / Я знаю полтора миллиона шуток, / Да что-то ни одна на ум *не идет!*.. («О нежелании или невозможности думать о чем-л.» [4, с. 625]; /б/ Корнюде (*несмело*) / Вы на меня, я думаю, в обиде... / Пышка (*независимо*) / С чего вы *взяли?*.. Никаких обид!.. («На каком основании, по какой причине» [4, с. 1483]; /в/ Пышка / Ведь я и так толста *неимоверно*, / Мне *объедаться* вовсе *не с руки!*.. («в зн. нареч. Неудобно, неловко» [4, с. 1132]). Особую эстетическую оригинальность придают емкой семантике ФЕ мотивированность решений в сочетании с доброжелательностью говорящего; при этих условиях неприятия обороты *с чего вы взяли* и *не с руки* позитивно характеризуют языковую личность даже во вполне бытовых контекстах.

В соответствии с задачей исследования детерминируются два основных обобщения: 1) В исследованном объектном пространстве проявляются закономерности, связанные с системностью и функциональностью фразеологии. Важная закономерность – динамическое соотношение между традиционным и инновационным. Таким образом, системные свойства фразеологизмов служат обогащению художественной речи. Следует отметить избирательность, раскрывающую корреляцию между общей системностью и индивидуально-авторским стилем: у различных поэтов далеко не равномерно представлены, во-первых, сами преобразования ФЕ, а во-вторых, там, где они представлены, нет единообразия в видах преобразований. Показательна слабая представленность таких системных смысловых отношений, как синонимия, антонимия, омонимия, вообще характерных для «дотекстовых парадигм» ФЕ: эти отношения не соответствуют тем группам фразеологизмов, тому направлению семантической емкости, которые представлены в пьесе. Причем использование ФЕ и сближает, и дифференцирует персонажи; сближение состоит в привычности ФЕ для всех языковых личностей, а об избирательности, дифференциации свидетельствует особое их богатство в речи двух персонажей: Пышки и Корнюде. В текстовых парадигмах преобладают предпочтения, заключающиеся в трех аспектах: наличии вариантов ФЕ в одном и том же тексте; характере ассоциативных связей ФЕ с контекстом; распространении на этот объект тех общих лингвистических тенденций, которые в целом характерны для поэтического языка конкретного автора. Этот вывод соотносится с обобщениями профессора Т.Л. Павленко [3], детерминированными на ином материале.

2) Парадигмы ФЕ в тексте в теоретико-лингвистическом плане отражают систему взаимодействия между общезыковыми и индивидуально-авторскими установками. Причем отмечается определенная специфика языковой картины мира пьесы, коррелирующая в то же время с общесистемными концептами. Подтвердилась в этом аспекте и такая глубоко индивидуальная черта, как экспрессивация макросоциальной сферы – ее исторических, национальных феноменов. Система устойчивых сочетаний послужила в данном плане адекватным ресурсом.

С представленными результатами взаимообусловлена система перспектив развития проблематики. Наиболее актуальны две из них. Первая перспектива исследования заключается в углубленной внутренней теоретизации. Дальнейшая систематизация на новой концептуальной основе таких понятий, как контекстуальная динамика, может развить определенные сферы науки о русском языке. С этой перспективой связана иная – лингвистическое обоснование смежных сфер. Его правомерность подтверждена языковедческим объяснением авторских предпочтений, избирательности в связи с общефилологическими, общегуманитарными, интегративными концептами и суперконцептами «творческая индивидуальность», «социальная обусловленность функционирования языка в тексте». Между тем объяснительные возможности такого подхода не исчерпаны. Перспективно и обоснованно рассмотреть в дальнейшем, как языковая системность проявляется в смежных сферах.

Литература

1. Мелихан В.Ю. К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем // Вопросы языкознания. 1999. № 6.

2. *Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. New York: Oxford University Press. 1992.*
3. *Павленко Т.И. Лексико-фразеологическая регулярность переносных значений // Словесность: традиции и современность. Ростов-на-Дону, 2006.*
4. *Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2004.*
5. *Феосов Н.В., Маницкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка. М., 2006.*
6. *Новейший словарь иностранных слов и выражений / Отв. ред. Ю.Г. Хацкевич. М.: Минск. 2002.*
7. *Солганик Г.Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения. М., 2004.*